

УДК 821.111(73)
ББК 84-44(7)
М60

Derek B. Miller
NORWEGIAN BY NIGHT

Перевел с английского
Владимир Медведев

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Алексей Вайнер

Миллер Д.

М60 Уроки норвежского : [роман] / Дерек В. Миллер; [пер. с англ. В. Медведева]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 352 с. — (Серия «Методу»).

ISBN 978-5-906986-53-5

Сюжет захватывающего психологического триллера разворачивается в Норвегии. Спокойную жизнь скандинавов всё чаще нарушают преступления, совершаемые эмигрантами из неспокойных регионов Европы. Шелдон, бывший американский морпех и ветеран корейской войны, недавно переехавший к внучке в Осло, становится свидетелем кровавого преступления. Сможет ли он спасти малолетнего сына убитой женщины от преследования бандой албанских боевиков? Ведь Шелдон — старик, не знает норвежского языка и не ориентируется в новой для него стране. Проявить всю свою волю и силу духа ему помогает память о погибшем во Вьетнаме сыне.

УДК 821.111(73)
ББК 84-44(7)

© Derek B. Miller, 2013
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ISBN 978-5-906986-53-5

ООО «Издательство Аркадия», 2018

Часть I

59-я ПАРАЛЛЕЛЬ

Глава 1

Все вокруг по-летнему ярко. Шелдон Горовиц сидит в складном кресле в тенистом уголке парка Фрогнер в Осло, у его ног расстелена скатерть для пикника. На коленях Шелдон держит бумажную тарелку, на ней надкусанный сэндвич с карбонадом, который он счел несъедобным. Указательным пальцем правой руки он задумчиво водит по запотевшему стеклу бутылки с пивом. Он начал было пить его, да потерял интерес. Шелдон качает ногой, словно школьник, только его ноги двигаются медленней, в его-то восемьдесят два. И амплитуда поменьше. Шелдон ни за что не признается Рее или Ларсу, что так и не может отделаться от навязчивого вопроса: что он тут делает и как быть дальше.

На расстоянии вытянутой руки от Шелдона сидят его внучка Рея и ее муж Ларс, который в этот момент делает большой глоток пива и выглядит таким жизне-радостным, таким милым и веселым, что Шелдону хочется вырвать у зятя из руки хот-дог и ткнуть ему в нос. Рее — она сегодня какая-то бледная — это совсем не понравится, и Шелдону опять придется выслушивать *лекции про социализацию* («чтобы ты смог приспособиться»), а ему это порядком надоело. Впрочем, Ларс и не заслуживает маневра с хот-догом.

Овдовевший Шелдон переехал в Норвегию из Нью-Йорка, только поддавшись на уговоры Реи, и теперь

чувствовал себя старым и несуразным. В сочувственном отношении Ларса он усматривал лишь подавляемое желание позлорадствовать.

А может, он и несправедлив к парню...

— А вы знаете, почему хот-доги так называются?

Шелдон задает вопрос вслух со своего капитанского мостика. Если бы у него была трость, он бы помахал ею в воздухе, но трости нет.

Ларс внимательно смотрит на него. Рея же беззвучно вздыхает.

— Первая мировая война. Мы разозлились на немцев и в наказание переименовали их даксунды. Но это еще ничего, — продолжил он. — Во время Большой войны с террором мы разозлились на террористов, а наказали французов, переименовав свою собственную еду.

— Что вы имеете в виду? — недоумевает Ларс.

Шелдон замечает, что Рея толкнула мужа ногой и приподняла брови — ее взгляд как раскаленная кочерга: Ларсу не следует поощрять подобные тирады, эти выходки, эти отвлечения от происходящего здесь и сейчас. Все то, что может быть отнесено к проявлениям столь горячо обсуждаемой деменции.

Предполагалось, что Шелдон не должен заметить этот тычок, но он заметил и начал наступать с новой силой:

— Фридом-фрайз! Я говорю про фридом-фрайз. Прощайте, френч-фрайз, да здравствуют фридом-фрайз¹. И эту дурь придумали в Конгрессе! А моя внучка считает, что это я теряю рассудок. Позвольте мне сказать

¹ С марта 2003 года в кафетериях Конгресса США френч-фрайз — картошка по-французски — называется фридом-фрайз — картошка а-ля свобода. Таким образом выражалось отношение к Франции в связи с ее позицией по Ираку.

вам кое-что, милая барышня. Это не я пересекаю границу безумия. Это граница безумия пересекает меня.

Шелдон смотрит вокруг. Тут не бывает внезапных движений толп случайных незнакомцев, как в американских городах, — людей, которые не только тебе незнакомы, но и друг друга не знают. Здесь все между собой знакомы, все высокие, похожие друг на друга, как братья, доброжелательные, улыбающиеся, все одеты в стиле унисекс, и как он ни старается, ему не удается взять их на прицел.

Рея. Имя титаниды. Дочь Урана и Геи, неба и земли, жена Кроноса, мать богов. Сам Зевс был вскормлен ее грудью, это из ее тела появился существующий мир.

Так назвал ее сын Шелдона, ныне покойный Саул. Он хотел возвысить ее над повседневностью, сквозь которую сам пробивался во Вьетнаме вместе с речной мобильной группой ВМС в 1973—1974 годах.

Он приехал домой отдохнуть и расслабиться месяцок перед второй командировкой. Это было в сентябре. Над Гудзоном и в окрестностях Беркширса кружили опавшие листья. Мейбл, покойная жена Шелдона, хорошо разбиравшаяся в подобных вопросах, считала, что Саул и его девушка во время его побывки переспали лишь однажды. Тогда и была зачата Рея. На следующее утро у Шелдона с Саулом состоялся разговор, изменивший их обоих. После этого Саул вернулся во Вьетнам.

Два месяца спустя во время ничем не примечательной операции по поиску сбитого летчика он подорвался на мине-ловушке, ему оторвало ноги, и еще до того, как катер доставил его в госпиталь, он истек кровью и умер.

«Назовите ее Рея», — писал Саул в последнем письме из Сайгона. Тогда Сайгон еще был Сайгоном,

а Саул был Саулом. Может, ему понравился греческий миф из школьной программы, и поэтому он решил именно так назвать дочь. А может, он влюбился в обреченную героиню романа Станислава Лема «Солярис»², который читал под одеялом, пока его боевые товарищи крепко спали.

Вероятно, польский писатель вдохновил американского еврея, и тот назвал свою дочь в честь греческой титаниды, а потом его убили вьетнамцы. Он хотел порадовать своего отца-морпеха, некогда бывшего снайпером в Корее — и, без сомнения, до сих пор преследуемого северными корейцами в скандинавской глуши. Да, даже тут, среди зеленой листвы парка Фрогнер солнечным июльским днем, когда у него было так мало времени, чтобы расплатиться за все содеянное.

«Рея». Здесь это имя ничего не значит. Так по-шведски называют распродажу в универмаге. Вот, собственно, и всё...

— Дед? — зовет его Рея.

— Что?

— Что ты об этом думаешь?

— О чем?

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Об этом районе. О парке. О соседях. Как только мы продадим наше жилье в Тойене, мы сюда переедем. Конечно, это не Грамерси-парк, я все понимаю.

Шелдон молчит. Рея поднимает брови и разводит руками, как будто этот жест может спровоцировать его на ответ.

² В английском переводе «Соляриса», в отличие от русского, героиню зовут не Хари, а Рея.

— Осло, — заключает она. — Норвегия. Свет. Эта жизнь.

— Эта жизнь? Ты хочешь узнать, что я думаю об этой жизни?

Ларс хранит молчание. Шелдон поглядывает на зятя в надежде на поддержку, но тот не с ними. Он смотрит в глаза старику, но мысли его далеко. Он зачарован тем, как общаются между собой дед и внучка, заморожен словесной дуэлью, в которой сам не способен участвовать и вмешиваться в которую, по его мнению, было бы невежливо.

Все же и тут находится место жалости. На лице у Ларса одно из тех универсальных выражений, которое знакомо всем мужчинам, означающее примерно следующее: «Я только что женился на этих разговорах, так что не смотри на меня». В этом Шелдон видит некое сходство между ними. Но есть в Ларсе и нечто сугубо норвежское. Что-то такое *отстраненное*, что постоянно раздражает старика.

Шелдон оглядывается на Рею, женщину, на которой Ларс умудрился жениться. Ее волосы цвета воронова крыла собраны в шелковистый хвост. Голубые глаза сверкают, как Японское море перед битвой. Шелдону кажется, что с беременностью ее взгляд приобрел глубину.

Эта жизнь? Если бы он только мог сейчас протянуть руки к лицу внучки, провести пальцами по ее скулам и стереть слезинку, которую выдул у нее из глаз сильный ветер, он бы наверняка разрыдался, обхватил Рею и прижал к груди, положив ее голову себе на плечо. Жизнь продолжается. Только это имеет значение.

Она ждет ответа на свой вопрос, но ответа нет. Дед смотрит на нее не отрываясь. Может быть, он забыл вопрос. Она расстраивается.

Солнце сядет только после десяти. Здесь повсюду дети, люди вернулись с работы пораньше, чтобы насладиться летней погодой, наградой за тьму зимних месяцев. Родители заказывают сэндвичи и кормят ими детей, отцы кладут пластиковые бутылочки в дорогие детские коляски с экзотическими названиями.

Квинни. Стокке. Бугабу. Пег Перего. Макси-Кози.

Эта жизнь? Пора бы ей уже понять, что эта жизнь есть результат целой череды смертей. Марио. Билла. Мейбл, бабушки Реи. Она умерла восемь месяцев назад, и только поэтому Шелдон переехал сюда.

После гибели Саула жизнь пошла наперекосяк.

Мейбл похоронили в Нью-Йорке, несмотря на то что и она, и Шелдон были приезжими в этом городе. Он родился в Новой Англии, она — в Чикаго. Они в конце концов осели в Нью-Йорке: сначала были гостями, потом жителями, а много лет спустя получили шанс стать настоящими нью-йоркцами.

После похорон и поминок Шелдон в одиночестве отправился в кофейню в Грамерси, недалеко от их дома. Было часа три дня. Обеденное время уже прошло. Скорбящие разошлись по домам. Шелдону полагалось соблюдать *шиву* и позволить общине ухаживать за собой, кормить и развлекать в течение семи дней. А вместо этого он поедал черничные маффины, запивая их черным кофе. Рея прилетела на похороны одна, без Ларса. Она заметила, что дед потихоньку ушел с поминок, и нашла его здесь. Она присела к нему за столик.

На ней был отличный черный костюм, волосы распущены. Ей исполнилось тридцать два, и взгляд у нее был решительный. Шелдон неправильно истолковал этот взгляд, полагая, что она начнет упрекать его

за несоблюдение *шивы*. Когда же она заговорила, он чуть не поперхнулся кексом.

— Переезжай к нам в Норвегию, — сказала она.

— Прекрати!

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Район называется Фрогнер. Там замечательно. В квартире есть отдельный вход в полуподвальное помещение. У тебя будет полная независимость. Мы еще не въехали, но собираемся — ближе к зиме.

— Сдай его троллям. У них ведь там тролли? Или это в Исландии?

— Мы не хотим его сдавать. Знаешь, как-то странно ощущать, что у тебя под ногами живут люди.

— Это потому что у вас нет детей. Но к этому можно привыкнуть.

— Я считаю, что ты должен переехать. Что тебя держит здесь?

— Помимо черничных маффинов?

— Ну хотя бы.

— А что еще может сдерживать человека моего возраста?

— Не отказывайся от такого варианта.

— А что я там буду делать? Я американец. К тому же еврей. Мне восемьдесят два, и я пенсионер-вдовец. Морпех. Часовщик. У меня целый час уходит на то, чтобы помочь. Там что, есть какой-то клуб, о котором я не знаю?

— Я не хочу, чтобы ты умер в одиночестве.

— Рея, ради всего святого!

— Я беременна. Срок еще маленький, но это точно.

При этих словах — о великий день! — Шелдон взял ее руку и поднес к губам. Закрыв глаза и постарался услышать новую жизнь в ее пульсе.

К тому времени, как скончалась Мейбл и Шелдон согласился на переезд, Рея и Ларс жили в Осло почти год. Ларс нашел хорошую работу — дизайнера компьютерных игр, а Рея начала карьеру архитектора — пригодился ее диплом нью-йоркского архитектурного колледжа «Купер-Юнион». Население Осло постепенно перебиралось подальше от города в горные коттеджи, а она, напротив, решила остаться здесь.

Ларс — кто бы сомневался — был настроен оптимистично, очень радовался способности жены адаптироваться и вписаться в местную жизнь и всячески ее поддерживал. Норвежцы, верные своей натуре, предпочитают размножаться на родине. В результате Осло населяют аборигены, вступившие в брак с разношерстной публикой — их супруги напоминают туристов, которых водят по музею восковых фигур.

В 1992 году родители помогли Ларсу приобрести в Тойене двухуровневую квартиру, стоимость которой теперь поднялась до трех с половиной миллионов крон. Для района, который у Шелдона ассоциировался с Бронксом, это было немало. Ларс с Реей скопили еще пятьсот тысяч наличными и взяли ипотеку, что было нагрузкой, хоть и не бог весть какой. Они задумали переехать в трехкомнатную квартиру во Фрогнере. По меркам Шелдона, эта часть города соответствовала престижному Централ-Парк Вест.

Место было довольно консервативное, но Ларсу и Рее надоело ждать, пока реконструируют Тойен, да и наплыв мигрантов выдавливал состоятельных людей в другие районы, что сказывалось на качестве школ. Здесь селилось все больше выходцев из Пакистана и с Балкан. В соседнем парке собирались, чтобы пожевать кхат, сомалийцы, а местный совет принял мудрое

решение перенести пункт выдачи метадона в ближайший торговый центр, что привлекало сидящих на героине наркоманов. Рея и Ларс все еще пытались утверждать, что у Тойена было «свое лицо». Шелдон же видел во всем этом лишь угрозу безопасности.

Однако, к счастью, тут не было северокорейцев, этих маленьких узкоглазых ублюдков. А если они появятся, то будут заметны в толпе. Трудно спрятать северокорейца в Норвегии. Вот в Нью-Йорке это запросто — все равно что прятать дерево в лесу. Они стоят на каждом углу, продают цветы или управляют бакалейными лавками, отслеживают своими глазками-бусинами все твои перемещения по улицам и засылают шифровки в свой Пхеньян.

Они преследуют его с 1951 года — Шелдон в этом не сомневался. Нельзя убить двенадцать человек с фамилией Ким, защищающих дамбу в Инчхоне, и рассчитывать на то, что тебе это простят и забудут. Только не корейцы: у них терпение как у китайцев и страсть к вендетте как у итальянцев. И они умеют маскироваться. Еще как! На то, чтобы научиться чувствовать корейцев, распознавать их присутствие, ускользать от них и обманывать, у Шелдона ушли годы.

Здесь же дело обстоит по-другому. Здесь они не способны слиться с толпой. Ни один злодейский мерзавец не способен. К каждому зомбированному психу приравнен другой зомбированный псих на случай, если первый начнет страдать вольнодумством.

Шелдону хочется прокричать им: «У меня для вас новость, ублюдки! Это вы начали войну! И когда вы об этом узнаете, вам придется долго просить прощения». Но он по-прежнему считает, что обманутые не несут ответственности за свои поступки.

Мейбл никогда не понимала его антипатии к корейцам. Она полагала, что у него поехала крыша, то же самое подозревал и врач. Жена говорила, что пора прислушаться к голосу разума и признать, что в Пусане он был не легендарным снайпером, а заурядным клерком, и что северные корейцы вовсе его не преследовали. Ни в кого он не стрелял. Да и вообще, даже в запале за оружие не хватался.

Она говорила об этом всего за несколько месяцев до смерти.

— У тебя малярия, Донни.

— Нету у меня малярии.

— Ты изменился. Я же вижу.

— Ты болеешь, Мейбл. Естественно, это влияет на меня. Ты твердишь мне это с 1976 года. А может, меняюсь не я, а ты? У тебя всего лишь выработался иммунитет к моим чарам.

— Я не виню тебя. Тебе уже за восемьдесят. Рея говорила, что после восьмидесяти пяти больше двадцати процентов людей страдает Альцгеймером. Мы должны это обсудить.

— Нет, не должны.

— Тебе стоит есть побольше рыбы.

— Нет, не стоит.

Оглядываясь назад, он понимал, что ответил Мейбл как ребенок, но с другой стороны, в споре это был убойный аргумент.

Его воспоминания с возрастом становились только ярче. Время повернуло вспять. Когда не остается будущего, мозг обращается на себя. И это не деменция. Можно сказать, это единственная разумная реакция на неизбежность.

И еще один немаловажный вопрос — что стоит за этими воспоминаниями?